

Фань Лянь рассмеялся:

— Что? Я соблазнил зятя? Ему нужно, чтобы его соблазняли? Он и так достаточно испорчен! Ты даже не представляешь...

Шан Сижуй не мог слышать плохого о Чэн Фэнтае, даже если это было правдой. Он нахмурился, и Фань Лянь тут же сдался:

— Брат Сижуй, давай поговорим спокойно. Я действительно не понимаю, что ты имеешь в виду.

Шан Сижуй холодно ответил:

— Переулочек Дунцзяоминь! Танцовщица!

Фань Лянь тут же всё понял. Он оказался в положении немого, проглотившего горькую пилюлю. Если бы он попытался рассказать Шан Сижую правду, Чэн Фэнтай убил бы его раньше, чем он смог бы испортить его репутацию. Удивительно, что первым, кто поднял этот вопрос, была не его сестра, а Шан Сижуй, который, по сути, не имел к этому отношения. Фань Лянь на мгновение замолчал, затем с отчаянием сказал:

— Да, я подлец! Завёл женщину прямо под носом у зятя! Я её уберу! Больше не буду приводить танцовщиц или певиц на его глаза!

Чем больше он говорил, тем обиднее ему становилось, глаза даже наполнились слезами.

Шан Сижуй кивнул:

— Вот это другое дело!

Они некоторое время молча пили чай. Фань Лянь, наблюдая за выражением лица Шан Сижую, чувствовал, что ситуация зашла слишком далеко и что некоторые вещи нужно обсудить прямо сейчас. Он с трудом начал:

— Брат Сижуй, я давно хотел поговорить с тобой, но боялся, что тебе это не понравится.

Шан Сижуй, похоже, догадался, о чём пойдёт речь:

— Говори.

Фань Лянь помедлил, затем решительно повернулся к нему и серьёзно сказал:

— Брат Сижуй, все, кто тебя поддерживает, — это богатые и влиятельные люди. Ты вырос в нашем кругу. Ты знаешь, что мы за люди. Одни свободны и позволяют себе всякие глупости, другие, обременённые семьёй, очень прагматичны. В целом, мы не из тех, кто следует чувствам.

Шан Сижуй кивнул, соглашаясь. Эти молодые люди из богатых семей были способны на что угодно, благоухали снаружи, но гнили внутри. Если родители не контролировали их, они могли разгуляться так, что обычные моральные нормы не имели для них значения. Их тайные грехи могли шокировать, и они были далеко не такими чистыми, как актёры.

— Я, зять и... — Фань Лянь хотел упомянуть Чан Чжисиня, но вовремя остановился:

— Мы, близкие друзья, в целом хорошие люди. Но, например, я очень практичен. Моя главная забота — обеспечить семью. Если женщина не может управлять домом или налаживать отношения в большой семье, я не женюсь на ней, как бы она мне ни нравилась, — я не могу на ней жениться.

Шан Сижуй подумал, что речь идёт о танцовщице, и кивнул, не до конца понимая.

— Мне двадцать семь лет, и в нашем кругу я видел только одного настоящего романтика — того, кого ты чуть не убил в Пинъяне. Даже он, после смерти матери, не был близок с отцом и братьями, а с женой жил только ради видимости. Даже без невестки Пин он рано или поздно развёлся бы. Она застала его врасплох, и он ушёл в спешке. Но если бы в семье Чан царила гармония, вряд ли бы он сблизился с ней.

Фань Лянь, наблюдая за выражением лица Шан Сижуй и видя, что упоминание Чан Чжисиня не вызывает гнева, продолжил более спокойно:

— Что касается людей, чьи качества неплохи, кто верен в дружбе и честен в бизнесе, то если сблизиться с ними по-настоящему, стать любовниками, это может плохо кончиться.

— Ты говоришь о себе? — Шан Сижуй притворился глупым.

— В том числе и обо мне! — Фань Лянь с сухим смешком хлопнул себя по бедру:

— И, конечно, о моём зяте.

Наконец он подошёл к сути. Шан Сижуй, зная Фань Ляня много лет, всегда раздражался его манерой говорить окольными путями, способной взбесить даже самого терпеливого. В отличие от Чэн Фэнтая, который всегда говорил прямо, Фань Лянь мог довести до бешенства своей медлительностью. Шан Сижуй в сердцах мог бы и ударить его.

Шан Сижуй твёрдо сказал:

— Я считаю, что Второй господин — хороший человек!

Фань Лянь усмехнулся:

— Когда вы проводите время вместе, конечно, он кажется хорошим. Он умеет угождать!

— Ну и что? — Шан Сижуй удивился:

— Чего ещё нужно? Я не собираюсь жениться на нём или выходить за него. Зачем ты мне всё это рассказываешь?

Фань Лянь мягко объяснил:

— Брат Сижуй, я хочу сказать, что мы все думаем одинаково, ведь обстоятельства диктуют свои условия. Если ты будешь слишком серьёзно относиться к человеку, у которого есть семья и обязанности, в конце концов останешься с пустыми руками. Я видел, как ты поссорился с невесткой Пин, и мне больно видеть, как ты страдаешь.

Фань Лянь солгал. В той ситуации он явно поддерживал Чан Чжисиня и Цзян Мэнпин, а безумие Шан Сижую вызывало у него головную боль. Если бы Шан Сижуй не был талантливым актёром, Фань Лянь даже не стал бы с ним разговаривать. Но его попытка объяснить ситуацию была слишком мягкой и витиеватой для Шан Сижую, который воспринимал её как «пытаться просветить того, кто впотымах». Фань Лянь не осмелился прямо сказать, что Чэн Фэнтай обладает всеми пороками богатого наследника. Он любит свободу, развлечения и никогда не заботится о семье. Вскоре после женитьбы на Второй госпоже он устроил скандал: то взял её на прогулку верхом, где она упала и получила травму, то заговорил о том, чтобы взять в жёны любовницу. Вторая госпожа чуть не умерла от злости. Сейчас он стал более сдержанным, но это не изменило его сути. А Шан Сижуй, хоть и не был безобидным, казался Фань Ляню немного глуповатым. Он не умел идти на компромиссы, только любил или ненавидел. По мнению Фань Ляня, эти двое — один безрассудный, другой безумный, — вместе не имели будущего, и любой конфликт мог привести к катастрофе, как в Пинъяне.

— Ты не понимаешь моих дел, — после долгой беседы Шан Сижуй медленно покачал головой:

— Ты не понимаешь, какие чувства связывают меня со Вторым господином.

Фань Лянь подумал: «Конечно, не понимаю, как можно понять вас, двух сумасшедших?»

Шан Сижуй уставился в пустоту, его глаза горели странным огнём, пылая одержимостью:

— Мы не вместе ради любви.

Фань Лянь хотел пошутить: «Ах да? Вы не вместе ради романа, а ради чего? Ради мировой революции?» Но, увидев выражение лица Шан Сижую и его горящие глаза, он замолчал, почувствовав холодную дрожь, пробежавшую от макушки до позвоночника. Ему стало не по себе. Интуитивно он понял, что Шан Сижую не хватало чего-то, что есть у нормальных людей, и в то же время в нём было что-то лишнее — нечто, заставлявшее его метаться между жизнью и смертью.

Разговор бессвязно заглох. Фань Лянь, будучи мастером дипломатии, считал, что сказал достаточно, намекнув, но не договаривая. Но Шан Сижуй, этот глупец, пропустил его слова

мимо ушей, как мимолётное облако. Фань Лянь решил, что Шан Сижуй безнадёжно глуп и неисправим, и это объясняло его ссору с сестрой. Шан Сижуй же считал, что Фань Лянь болтает без толку, и поэтому он находится под чьим-то контролем, как императоры Тунчжи и Гуансюй.

У входа раздался смех — это пришёл Сюэ Цяньшань. Фань Лянь воспользовался моментом, чтобы закончить разговор, встал и сказал:

— Брат Сижуй, найди себе местечко. Вторая комната справа на втором этаже — это комната отдыха, там есть пластинки, можешь послушать. Я позову тебя, когда будет готов обед.

Затем он наклонился и тихо добавил:

— Сегодня здесь много твоих поклонников оперы, если они тебя заметят, ты не сможешь отдохнуть.

Шан Сижуй, испугавшись, забыл о еде и, не дожидаясь Чэн Фэнтая, как заяц побежал наверх, избегая встреч с людьми.

<http://bllate.org/book/15435/1368665>